

Суслов Михаил Донатович

**РОССИЙСКАЯ КОНСЕРВАТИВНАЯ УТОПИЯ
НА РУБЕЖЕ XIX — XX вв.**

Специальность 07.00.02. — Отечественная история

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Пермь — 2003

Работа выполнена на кафедре новейшей истории России
Пермского государственного университета.

Научный руководитель — кандидат исторических наук,

доцент Лукьянов Михаил Николаевич

Официальные оппоненты: доктор исторических наук,

профессор **Лейбович** Олег Леонидович

кандидат исторических наук,

доцент Нечаев Михаил Геннадьевич

Ведущая организация — Волгоградский государственный
университет

Защита состоится “15” октября 2003 г. в 15⁻¹⁵ часов на заседании
Диссертационного совета К 212.189.01 при Пермском государственном
университете по адресу: 614990, г. Пермь, ул. **Букирева**, 15, Зал ученого
совета

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Пермского
государственного университета.

Автореферат разослан “11” сентября 2003 г.

:

Ученый секретарь Диссертационного совета,

кандидат исторических наук, доцент

А.В. Колобов

I. Общая характеристика работы

Актуальность темы данного исследования обусловлена тем, что вопросы, которыми задавались российские консерваторы-утописты на рубеже XIX - XX вв., продолжают волновать и наших современников. Речь идет о таких "вечных", проблемах, как самобытность России, ее место в мире, преемственность ее исторического развития, адаптация традиционных ценностей к изменяющимся условиям. Актуально и обращение к творчеству С.Ф. Шарапова — центральной фигуре данной работы. В жанре литературной утопии он выразил такие идеи, которые, как нам представляется, не потеряли своей значимости до сих пор. Это, например, учение о местном самоуправлении, концепция федерализма, модель экономики, построенной на принципах нравственности, и т.д. Кроме того, некоторые идеологические движения на современном политическом горизонте России и Запада открыто провозглашают свою преемственность с теоретиками так называемой **"консервативной революции"**. Это интеллектуальное движение, отвергающее западные либеральные ценности, в значительной мере опиралось на **концепции, предложенные** российскими консерваторами-утопистами. С этой точки зрения выбранная тема исследования позволит расширить и углубить научное познание современности.

Объект и предмет исследования. Консервативную утопию как таковую трудно обнаружить в конкретно-исторической ситуации. Корректнее было бы говорить о некоторых чертах утопизма, в той или иной мере обнаруживающихся в консервативной идеологии. Поэтому объектом настоящего исследования выступают утопические тенденции в российском консерватизме на рубеже XIX - XX веков, когда они стали настолько заметными, что вполне оправданно заявлять о существовании особой российской формы консервативной утопии. Ее характерные свойства отчетливо проявились в идеологии консерваторов славянофильского направления, одним из наиболее интересных представителей которого является С.Ф. Шарапов. Таким образом, предмет данного исследования — это воззрения российских консервативных деятелей по общественно-политическим, **экономическим**, национальным и иным вопросам. Надо учитывать, что определенные утопические черты присутствовали в российском традиционализме XVIII в. и сохранились после революции 1917 г. в эмигрантской консервативной мысли XX в. К тому же этот идеологический феномен присущ не только России, но и другим европейским странам.

Цели и задачи исследования. Цель настоящего исследования состоит в том, чтобы проследить эволюцию утопических черт в российском консерватизме на рубеже XIX — XX вв. Это предполагает решение следующих исследовательских задач.

1. Изучить особенности генезиса и развития консервативной утопии в России.
2. Выявить наиболее характерные черты российской консервативной утопии конца XIX — начала XX вв.
3. Проанализировать утопические проекты С.Ф. Шарапова.

Хронологические рамки исследования. В настоящем исследовании внимание сосредоточивается на российской консервативной утопии конца XIX — начала XX вв. Вместе с тем, для компаративного анализа проблемы возникает необходимость выхода за указанные рамки вплоть до конца XVIII в., когда литературная форма утопии была апробирована М.М. Щербатовым и другими традиционалистами. С другой стороны, обращение к эмигрантскому монархизму и евразийству, унаследовавшим многие содержательные стороны дореволюционной консервативной утопии, заставляет отодвинуть нижнюю хронологическую планку до середины XX в.

Научная новизна. Во-первых, впервые в центре внимания — феномен консервативной утопии как целостное явление, анализируемое применительно к конкретным условиям интеллектуальной истории России XIX — начала XX вв. в сравнении с зарубежным и отечественным консерватизмом нового времени. Во-вторых, особое внимание уделяется малоизвестной фигуре С.Ф. Шарапова. В научный оборот вводятся материалы из личного фонда С.Ф. Шарапова в Государственном архиве Смоленской области. Эти обстоятельства позволяют скорректировать некоторые устоявшиеся в историографии воззрения, осветить такие проблемы интеллектуальной истории России, которые прежде не привлекали внимание исследователей.

Методологические основы исследования. В основу методологии данного исследования положен принцип научной объективности. Этот принцип позволяет избежать идеологической ангажированности. Не менее важен для нас принцип историзма, требующий рассмотрение проблемы в конкретно-исторической ситуации в России рубежа XIX - XX вв. Этот принцип позволит избежать ложных абстракций в научном исследовании и придаст ему необходимую историческую перспективу. Опираясь на принцип компаративности, можно увидеть особенности российской консервативной утопии. Принцип системности приблизит нас к идеалу целостного, всестороннего и глубокого анализа и к изучаемой проблеме

мы исходим из такой теории "среднего уровня", как теория модернизации, **которая представляется** вполне адекватной для описания исторических процессов в России XVIII - XX вв.

Источники исследования. Основная для данной работы группа источников — это опубликованные политические трактаты представителей российского консерватизма, в чьих сочинениях заметна утопическая тенденция. Особое место среди них принадлежит консерваторам славянофильского направления рубежа веков. Это сочинения Н.П. Аксакова, А.В. Васильева, А.А. Киреева, К.Н. Пасхалова, Д.А. Хомякова, А.Г. Щербатова и др. При всей условности отнесения того или иного идеолога к славянофильской традиции, в целом все же эта категория источников позволяет проследить эволюцию консервативной славянофильской утопии в конце XIX - начале XX вв. и ее характерные особенности. Надо учитывать, что многие из указанных консерваторов, в отличие от ранних славянофилов, были близки к политической элите. Поэтому свои тексты, предназначенные для печати, они подвергали "внутренней цензуре", затушевывая критическую часть своих мыслей. Последнее в еще большей мере свойственно тем консерваторам, которые хотя и испытали славянофильское влияние, но все же дистанцировались от этого течения. В ряде случаев утопическая составляющая их воззрений весьма велика, а потому эта категория источников важна для доказательства того, что утопическая тенденция в российском консерватизме была очень влиятельна и широко распространена. Речь идет о таких идеологах, как П.Ф. Булацель, Г. В. Бутми, И.И. Восторгов, А.С. Вязигин, В.А. Грингмут, А.И. Дубровин, М.О. Меньшиков, Н.И. Черняев, Г.А. Шечков, Н.Н. Шипов и др. Несколько в стороне от этой категории источников стоят сочинения Л.А. Тихомирова. Фундаментальность и аналитическая глубина трудов этого монархиста позволяют считать его взгляды одной из наиболее тщательно проработанных консервативных утопий.

Особое внимание уделяется текстам С.Ф. Шарапова. Эту категорию источников отличает большое тематическое и жанровое разнообразие. Из сопоставления с документами личного характера, которые мало чем отличаются от работ для широкого круга читателей, можно сделать вывод о том, что опубликованные произведения отражают его подлинные убеждения. В этой категории можно выделить работы политического, социально-экономического характера и тексты по проблемам империи, национального вопроса и внешней политике; многие из них вошли в два издания его "Сочинений". Особо следует отметить литературные утопии Шарапова "Через полвека", "Диктатор" и его продолжения: "У очага хищений", "Кабинет диктатора", "Иванов 16-й и Соколов 18-й". Известный интерес представляет и собственно беллетристика, которая так или иначе отражает идеологическую позицию автора. Особенности этой категории источников придают им исключительное значение для данного исследования, поскольку позволяют подробно описать и всесторонне

проанализировать убеждения Шарапова, рассматриваемые как образец консервативной утопии.

В работе также используются труды консерваторов (традиционалистов) конца XVIII и XIX в., позволяющие показать генезис консервативной утопии в России и ее развитие на протяжении достаточно длительного периода. В эту категорию входят тексты таких авторов, как М.М. Щербатов, Н.Н. Карамзин, А.С. Хомяков, К.С. Аксаков, И.В. Киреевский, Ю.Ф. Самарин, Ф.И. Тютчев и др. В пореформенный период появляется целая плеяда консерваторов-государственников и националистов, чьи взгляды, сами по себе не лишенные утопического содержания, решительным образом повлияли на идеологов консерватизма рубежа веков, поэтому они весьма значимы для целей настоящего исследования. В качестве источников этой подгруппы мы привлекли труды К.Н. Леонтьева, И.С. Аксакова, М.Н. Каткова, Н.Я. Данилейского, В.П. Мещерского и др. Существенную ценность с точки зрения сравнительного анализа представляют собой работы эмигрантов-монархистов и евразийцев, некоторые из которых написаны в форме литературной утопии.

Вторую группу источников образуют периодические издания. Это газеты С.Ф. Шарапова "Русский труд" (1897 - 1902) и "Русское дело", которое пользовалось наибольшей симпатией у читателей благодаря бескомпромиссной позиции редактора. "Русское дело" издавалось с 1886 по 1891 г., когда оно было закрыто за резкую критику правительства. Во время первой русской революции газету снова начали печатать (1905-1907), публикуя как актуальные политические материалы, так и размышления по более глобальным вопросам. В амплу помещика-новатора выступал С.Ф. Шарапов со страниц ежемесячного журнала "Пахарь" (1904-1906), где излагались не только практические советы по ведению хозяйства, но и теоретические рассуждения по экономической политике. Пожалуй, наиболее зрелые идеи, вынашиваемые в течение всей своей жизни, Шарапов вложил в малотиражный журнал "Свидетель" (1907-1910), который стал "лебединой песней" славянофильского журналиста, продолжая выходить до конца его жизни. Мы использовали также материалы изданий А. Васильева "Благовест" (1890), А.С. Вязигина "Мирный труд" (1905), М.Н. Каткова "Русский вестник" (1881 - 1901), М.О. Меньшикова "Письма к ближнему" (1902-1915).

К третьей группе источников, позволяющих выяснить подлинные мысли консерваторов, нередко скрытые от широкой публики, относятся письма и дневники консервативных деятелей. Это документы из личных фондов П.А. Ефремова, К.Н. Леонтьева, Энгельгардтов в Российском государственном архиве литературы и искусства (РГАЛИ), Самариных и Киреевых в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Значительную роль в написании диссертации сыграли данные, почерпнутые из личного архива С.Ф. Шарапова в Государственном архиве Смоленской области (ГАСО), который практически не затронут исследователями, а между тем он содержит материалы, интересные и для других историков, поскольку Шарапов вел обширную переписку со многими общественными деятелями. Например, в этом

архиве находятся такие документы, как "Переписка с К.Н. Пасхаловым", "Переписка с В.П. Мещерским", "Переписка с В.В. Розановым", "Переписка с Д.А. и Н.А. Хомяковыми", "Письма К.Н. Леонтьева к С.Ф. Шарапову", "Переписка с М.О. Меньшиковым" и др. Для целей настоящей работы более всего пригодились дневниковые записи Шарапова за 1910-1911 гг., в которых он высказывается не только о текущей политике, но и по вопросам литературы, искусства, религии, философии, хотя большая их часть носит бытовой характер. Не меньшее значение имеют рукописи политических проектов Шарапова, письма на высочайшее имя, материалы редакции газеты "Русское дело" и т.д.

Четвертая группа источников — произведения западноевропейских политиков и идеологов рубежа XIX - XX вв. Прежде всего, это работы Г. Класа и Ш. Морраса, в которых нашла яркое выражение утопическая тенденция западноевропейского консерватизма. К этому же хронологическому периоду принадлежит труд Х. Сесилия "Консерватизм", позволяющий сравнить английскую, "классическую" форму консерватизма на этом же этапе развития с предметом нашего исследования. Далее, это произведения консервативных мыслителей, выходящие за хронологические рамки рубежа XIX - XX вв. Привлечение их позволит сравнить эволюцию европейского консерватизма с российским и ознакомиться, с одной стороны, с фундаментальными для исследователя консерватизма произведениями Э. Берка, Ж. де Местра и др., а с другой стороны, с мыслями идеологов "консервативной революции". Нами использовались и литературные утопии рубежа XIX - XX вв. не консервативной направленности (Э. Беллами, Д. Бульвер-Литтона, У. Морриса и др.), которые тем не менее повлияли на воззрения российских утопистов.

Историография проблемы консервативной утопии. Хотя дореволюционная историография не оперировала термином "консервативная утопия", она осветила ряд концептуальных положений, связанных с темой настоящего исследования. А. Дживилегов и В.Ф. Тотомианц называли утопию несбыточной мечтой, **химерой**¹. Этот подход не учитывает того, насколько тонка грань между реальным и воображаемым. А. Фойгт и А. Свентоховский считали утопию развитой формой общественного идеала². Такое понимание утопии слишком широко и неопределенно. Марксистский подход к утопии был сформулирован В.И. Лениным, который утопическое прожектёрство противопоставлял "подлинно научной идеологии" — **марксизму**³. По мнению Ленина, утопии делятся на прогрессивные и реакционные в зависимости от того, отвлекают ли они массы от революционной борьбы или зовут к ней⁴. Эта точка зрения, кроме недостатков, связанных с партийностью анализа,

¹ См.: Дживилегов А. Утопия // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. Т. 69. С. 76: Тотомианц В.Ф., Устинов В.М. Утопии: Социальный рай на земле. М., 1917. С. 3.

² Свентоховский А. История утопий. М., 1910. С. 420; Фойгт А. Социальные утопии. СПб., 1906.

³ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т.22. С. 117.

⁴ Там же. С. 121.

объединяет понятием "реакционные утопии" такие разные утопии, как консервативную, либеральную, социал-реформистскую и другие, что не соответствует принципам этой работы.

Дореволюционные исследователи усматривали консервативно-утопические тенденции в славянофильстве. К примеру, В.С. Соловьев и П.Н. Милоков видели в нем реакционную утопию русского **мессианизма**⁵. Учение панславизма в изложении славянофилов и их последователей освещено А.Н. **Пыпиным**⁶. М.О. Гершензон отмечал торжество реакционной утопии в современности, полагая, что из славянофильского учения о национальной **исключительности** выросла вся российская консервативная идеология последующего времени⁷. О традиции утопизма в российском консерватизме писали в своих работах В.Ф. Эрн и В.В. Розанов⁸.

Новые грани **рассматриваемой** проблемы открыли отечественные исследователи 20-х гг., что связано как с широкой публикаторской деятельностью в это время, позволившей историкам ознакомиться со многими материалами по российскому **консерватизму**⁹, так и с эффектом "исторической перспективы". В то же время из-за монополии партийного коммунистического подхода к утопии в Советском Союзе реальная проблема упрощалась. Эти исследования советских историков неоправданно сближают российский консерватизм с фашизмом, обращая внимание преимущественно на погромный антисемитизм **правых**¹⁰. Это суждение можно считать не лишенным некоторых оснований, но все же оно чересчур прямолинейно. В 30-50-е гг. русский консерватизм практически перестал интересовать советских историков. Одним из редких исключений является диссертация С.С. Дмитриева. Автор обращает внимание на такой важный утопический аспект славянофильства и всей последующей консервативной социальной философии России, как стремление подчинить экономику принципам морали¹¹.

Отдельную категорию в этой группе исследований занимают труды исследователей-эмигрантов. Н.В. Устрялов верно замечает, что славянофильская традиция на раннем этапе своего развития приближалась к руссоистской утопии народного **суверенитета**¹². Н.А. Бердяев в книге "Алексей

⁵ Соловьев В.С. Национальный вопрос в России. Изд. 3-е. Вып. I. СПб., 1891; Милоков П.Н. Разложение славянофильства. Данилевский. Леонтьев, В. Соловьев М., 1893.

⁶ Пыпин А.Н. Панславизм в прошлом и настоящем. СПб., 1913.

⁷ Гершензон М.О. Исторические записки (о русском обществе). М., 1910.

⁸ Эрн В.Ф. **Время славянофильствует** // Эрн В.Ф. Сочинения. М., 1991; Розанов В.В. Поздние фазы славянофильства // Розанов В.В. Сочинения. М., 1990.

⁹ См., напр.: Виктор В.П. Вступительная статья // Союз русского народа: по материалам Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства / Под ред. А. Черновского М.-Л., 1929; Залежский В.Н. **Монархисты** Харьков, 1929, Заславский Д.О. **Рыцарь** монархии Шульгин. Л., 1927.

¹⁰ См., напр.: Любош С.Б. Русский фашист Владимир Пуришкевич. Л., 1925.

¹¹ Дмитриев С.С. Экономические воззрения славянофилов в 1830 - 1850-х гг. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1940; Дмитриев С. Славянофилы и славянство // Историк-марксист. 1941. №1.

¹² Устрялов Н.В. Политическая доктрина славянофилов Харбин, 1925. С. 22.

Степанович **Хомяков**¹³ подчеркивает сильную струю анархизма в учении славянофилов, попытавшихся создать утопию самоуправляющегося **"мира"**¹⁴. По мысли В.В. **Зеньковского** и прот. Г. **Флоровского**, интерпретировать учения русских мыслителей XIX в. следует в контексте религиозной **традиции**¹⁵. Для нас очень ценен тезис Флоровского о том, что одной из тенденций славянофильской утопии было стремление воплотить отвлеченные идеалы христианства в социально-политической жизни **России**¹⁶.

В 60-80-е гг. в СССР появляются работы Э.Я. Баталова, И.В. Бестужева-Лады, А.Ю. Мельвиля, С.С. Сизова и других исследователей, которые затрагивают проблему **"реакционных утопий"**¹⁷. С.С. Сизов подчеркивает их классовую **ограниченность**¹⁸, с чем нам трудно согласиться. По социальному охвату консервативная утопия может в отдельных случаях претендовать на общенародный статус, так как включает в ряды своих сторонников самые разные социальные слои, противостоящие модернизации. Значительный вклад в изучение утопий внесли такие советские исследователи, как Л.Л. **Лисюткина**, В.П. **Шестаков** и др.¹⁹ Т.А. Пчелинцева описывает апологетические утопии, **которые**, по ее мнению, подразделяются на реакционные и консервативные. Реакционные утопии критикуют действительность **"с позиций вчерашнего дня, "сзади"**, создают образец для подражания из материала прошлого, пытаются повернуть социальное движение **вспять**²⁰. На наш взгляд, это ошибочное мнение, так как утопия, являясь формой достаточно глубокого осмысления действительности, позволяет осознать необратимость исторического процесса, а потому стремится не к прошлому, а к иному настоящему. Другая разновидность апологетических утопий, по мнению Т.С. Пчелинцевой, — консервативные **утопии**; они **"направлены на сохранение существующего строя**. Критикуя некоторые недостатки социальной организации, такие утопии позитивный идеал представляют как приукрашенную, упорядоченную существующую **действительность**"²¹. Но консервативная утопия в таком понимании ничем не отличается от идеологии, так как любая идеология **"приукрашивает**

¹³ Бердяев Н.А. Алексей Степанович Хомяков // Он же. Собрание сочинений. Т. V. Париж. 1997. С. 60.

¹⁴ Там же. С. 62.

¹⁵ См., напр.: **Зеньковский В.В.** История русской философии. В 2-х томах. Ростов-на-Дону, 1999. Т. 1.

¹⁶ Флоровский Г., прот. **Пути** русского богословия. Третье издание. Paris, 1983. С. 266-167.

¹⁷ **Баталов Э.Я.** В мире утопии. М., 1989; **Баталов Э.Я.** Современное капиталистическое общество и утопия // **ВФ.** 1973. №10; **Баталов Э.Я.** Социальная утопия в утопическом сознании в США. М., 1982; **Бестужев-Лада И.В.** Окно в будущее. М., 1970; **Мельвиль А.Ю.** Человек, общество, культура — социальная философия левого радикализма и неоконсерватизма // Проблемы и противоречия буржуазной философии 60-70-х годов. М., 1983.

¹⁸ Сизов С.С. Утопия и общественное сознание Л., 1985. С. 67-79.

¹⁹ **Лисюткина Л.Л.** Современные дискуссии об утопии в ФРГ (Обзор) // Социокультурные утопии XX в. Вып. 3. М., 1985; **Шестаков В.П.** Эволюция русской литературной утопии // Русская литературная утопия. М., 1986 С. 7.

²⁰ Пчелинцева Т.А. Сущность и гносеологические возможности социальной утопии. Дис ... канд. филос. наук. Томск. 1983. С. 69.

²¹ Там же. С. 71.

действительность". В 1989 г. была опубликована **обобщающая** монография по утопии Ч.С. **Кирвеля**, которая содержит хороший историографический **очерк**²². Автор обращается и к проблеме консервативной утопии, резонно подчеркивая, что хотя консерваторы старательно отмежевываются от **утопизма**, но объективно их социальный идеал, абсолютизирующий позитивные стороны прошлого, **утопичен**²³.

На развитие представления о консервативной утопии в России большое **влияние** оказало знакомство отечественных исследователей с работой польского ученого А. **Валицкого** "В кругу консервативной утопии" (1964)²⁴. Автор пишет: "Резкая критика действительности порой является [...] защитой и рационализацией [...] некоего "модуса существования", нравственные устои которого вместе с самим этим модусом подвергаются реальной угрозе. Поскольку такая ситуация возможна, оправдано употребление (вслед за К. Мангеймом) термина "консервативная утопия"²⁵.

А. **Валицкий** делает обоснованный вывод о том, что в "николаевскую эпоху оно [славянофильство] было не столько идеологической защитой **существующей** традиции, сколько утопической попыткой восстановления утраченной **традиции**"²⁶. Этот тезис существенно повлиял на изучение славянофильства в Советском союзе в 60-80-е гг.²⁷, когда одновременно с научным анализом утопии возрождается и **интерес** к российскому консерватизму. В сфере научного интереса оказывается и тема российского правого **радикализма** на рубеже веков. Наиболее полным его исследованием в этот период была диссертация С.А. **Степанова**²⁸. В.Н. **Костылев** в это время пишет кандидатскую диссертацию о таком консервативном утописте, как Л.А. **Тихомиров**, обращая особое внимание на причины "ренегатства" бывшего народовольца и на влияние, которое оказала эта метаморфоза на

²² Кирвель Ч.С. Утопическое сознание. **Сущность, социально-политические функции**. Мн., 1989. С. 4 -11.

²³ Там же. С. 164.

²⁴ См. на **русском** языке: Славянофильство и **западничество**, консервативная и либеральная утопия в работах Андрея **Валицкого** Вып. 1 и 2. ИНИОН. М., 1991.

²⁵ Там же. Вып. 2. С. 14.

²⁶ Там же. С. 191.

²⁷ Дудзинская Е.А. Славянофилы в **общественной** борьбе. М., 1983; Жукова Г.Г. Религиозная концепция славянофилов и современная борьба идей. Дис ... канд истор. наук. М., 1987; Кириченко О.А. Славянофильство на рубеже 50-х — 60-х гг. XIX в. Дис. ... канд. истор. наук. М., 1989; **Китаев В.А.** Славянофилы и западники на рубеже 1850-1860-х гг. (К характеристике либеральной эпохи первой революционной ситуации в России). Дис. ... канд. истор. наук. **Горький**, 1980; **Кошелев В.А.** Эстетические и литературные воззрения славянофилов. 1840-1850-е гг. Л., 1984; Кулешов В.И. Славянофилы и русская литература. М., 1976; **Пирожкова Т.Ф.** Революционеры-демократы о славянофильстве и **славянофильской** журналистике. М., 1984; **Цимбаев Н.И.** И.С. Аксаков в **общественной** жизни пореформенной России. М. 1978; Он же. Славянофильство. Из истории русской общественно-политической мысли XIX в. М., 1986; Янковский Ю.З. Патриархально-дворянская утопия. М., 1981 и др.

²⁸ **Степанов С.А.** Банкротство черносотенных союзов и организаций (1907-1914). Дис. ... канд. ист. наук. М., 1982.

общественность того времени²⁹. Кандидатская диссертация В.В. Ведерникова является весьма основательным и аналитически глубоким исследованием консерватизма и его отношения к реформе государственных учреждений империи в начале XX в.³⁰. В этой и других работах В.В. Ведерникова упоминается и С.Ф. Шарапов, мысли которого убедительно трактуются как "апология дворянского представительства"³¹. В "Истории русской экономической мысли"³² также дано краткое описание теории бумажных денег Шарапова в контексте консервативных экономических теорий.

В 90-е гг. в связи с рефлексией по поводу коммунистического эксперимента в Советском Союзе повысился исследовательский интерес к проблеме утопии³³. Публикация на русском языке в 1990 г. работы Е. Шацкого "Утопия и традиция", а в 1994 г. фундаментального труда К. Мангейма "Идеология и утопия" позволила по-новому взглянуть на проблему консервативной утопии, выработать адекватную методологию ее анализа³⁴. Появляются литературоведческие и языковедческие исследования утопии и антиутопии, в которых затрагивается и тема консервативной утопии³⁵. Имеются как общетеоретические работы в этой области³⁶, так и конкретно-научные³⁷, причем для целей настоящего исследования существенный интерес представляет, в частности, попытка Е.Э. Эгильского вскрыть мифологические и

²⁹ Костылев В.Н. Лев Тихомиров на службе царизма (из истории общественно-идейной борьбы в России в конце XIX - начале XX в.). Дис. ... канд.ист.наук. М., 1987.

³⁰ Ведерников В.В. Проблема представительства в русской публицистике рубежа XX столетия. Дис. ... канд. ист. наук. Л., 1983.

³¹ Он же! Кризис консервативной идеологии и его отражение в печати (1895-1902) // Вестник ЛГУ. Сер. История, языкознание, литература. Вып. 2. №8. 1981. С. 104-107.

³² История русской экономической мысли. Т.3. Эпоха империализма и буржуазно-демократических революций в России. М., 1966.

³³ Даниленко Г.Э. К вопросу о политической теории утопизма. Донецк, 1994; Палий И.Г. Социальный утопизм России XX века: онтологический аспект. Дис. ... д-ра филос. наук. Ростов-н/Д., 1995; Фролова И.В. Генезис российского утопического сознания и пути реализации русских утопий. Уфа, 1995.

³⁴ Десятрева М.И. Консервативная адаптация Жозефа де Местра. Дис. ... канд. истор. наук. Пермь, 1997. Турунок С.Г. Некоторые подходы к проблеме реконструкции идеологической доктрины консерватизма в контексте методологии Вебера и Мангейма. М., 1995.

³⁵ Арапов М. Язык утопии // Знание — сила. 1990. №2; Гальцева Р., Роднянская И. Помеха — человек: Опыт века в зеркале антиутопии // Новый мир. 1998. №12; Зверев А. Крушение утопии // Иностранная литература. 1988. №11; Любимова А.Ф. Жанр антиутопии в XX веке. Содержательные и поэтологические аспекты. Пермь, 2001; Чаликова В. Предисловие // Утопия и антиутопическое мышление. М., 1991; Шестаков В. Эволюция русской литературной утопии // Утопия и антиутопия XX века. М., 1990.

³⁶ Царева Н.А. Понятие и классификация утопии. Владивосток. 1999

³⁷ Калинин И.А. Historia sub specie Utopia: Эпоха историзма: Утопия как другая история // История и философия: Проблемы научной и образовательной интеграции на рубеже тысячелетий. Материалы международной конференции (2-5 февраля 2000). Петрозаводск, 2000; Масловская Т.И. Развитие утопической мысли в Древней Греции на рубеже 5 - 4 вв. до н.э. (Возникновение рациональной теоретической утопии) Автореф. дис. ... канд. филос. наук. СПб., 1998; Чудинов А.В. Утопии века Просвещения. М., 2000; Эндерлайн Э. Эрос в русской утопии // Адам & Ева. Альманах гендерной истории. М., 2001. №2.

архетипические корни утопического³⁸. В очерке Л.Е. Чертковой из сборника "Идеал, утопия и критическая рефлексия" утверждается, что ретроспективная (консервативная) утопия тоже в определенном смысле прогрессивна, тоже ориентирована на строительство лучшего общества в будущем, ее отличие от собственно прогрессивной (проспективной) утопии в том, что ее метод — воспоминание, а не **пророчество**³⁹, и с этим трудно не согласиться. В.А. Чаликовой было сделано верное утверждение, что всякая утопия в сущности консервативна, так как "лежит по ту сторону истории"⁴⁰.

Достаточно глубокая разработка проблемы утопии в этот период сочетается с обилием конкретно-исторических работ по консерватизму. Социально-философские взгляды **консерваторов**, преимущественно славянофильского направления, — одна из центральных тем историографии конца XX - начала XXI вв. Для А.С. Ахиезера утопизм славянофильства заключается в попытке "перевести" на язык интеллектуальной элиты примитивные, **догосударственные** представления **народа**⁴¹. Исследование социально-философских концепций российской консервативной мысли рубежа XIX - XX вв. предложено в монографиях Б.П. Балуева⁴². С.Н. Пушкин сосредоточился на фигурах славянофилов, К.Н. Леонтьева и Н.Я. Данилевского⁴³, а Ю.И. Сохряков удачно вписывает в славянофильский контекст воззрения таких русских мыслителей, как Н.Ф. Федоров, Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, В.В. Розанов⁴⁴. Культурологические и историософские аспекты славянофильской утопической традиции начинают исследовать Е.М. Анненкова, Е.П. Аулова, С.Н. Малявин и др.⁴⁵

Интересны и конкретно-исторические работы по данной тематике. В 90-е гг. консервативно-утопическую тенденцию историки начинают проследить в России с конца XVIII в. Диссертация С.И. Панкратовой посвящена социальной утопии М.М. Щербатова, которая, по мнению автора, вписывается в традицию русской религиозно-философской мысли, выдвинувшей свой социальный идеал с опорой на нравственные **принципы**⁴⁶. Т.В. Артемьева анализирует генезис консервативного утопизма в России, обращая особое внимание на фигуры М.М.

³⁸ Эгильский Е.Э. Утопия как феномен культуры. Дис. ... канд. филос. наук. Ростов-н/Д., 1997.

³⁹ Черткова Л.Е. Специфика утопического сознания и проблема метода // Идеал, утопия и критическая рефлексия. М., 1996 С. 160.

* Чаликова В.А. Утопия и свобода. Эссе разных лет. М., 1994 С. 78.

⁴¹ Ахиезер А.С. Россия: критика исторического опыта. (Социокультурная динамика России) Том 1. От прошлого к будущему. 2-е изд. Новосибирск, 1997. С. 63-78, 218-228.

⁴² Балуев Б.П. Спор о судьбах России. Н.Я. Данилевский и его книга "Россия и Европа". М., 1999.

⁴³ Пушкин С.Н. Историософия русского консерватизма XIX века. Нижний Новгород, 1998.

⁴⁴ Сохряков Ю.И. Национальная идея в отечественной публицистике XIX - начала XX вв. М., 2000.

* Анненкова Е.И. Проблема соотношения искусства и религии в восприятии славянофилов // Славянофильство и современность. Сборник статей СПб., 1994; Аулова Е.П. Идеи философии истории в наследии И.В. Киреевского. Автореферат дис. ...канд. филос. наук. М., 2000; Малявин С.Н. Теоретико-методологический анализ русской социально-философской мысли (Середина XIX - начало XX вв.) Автореферат дис. ...д-ра. филос. наук. СПб., 2000.

⁴⁶ Панкратова С.И. Социальная утопия М.М. Щербатова. Дис. ... канд. филос. наук. СПб., 1997.

Щербатова⁴⁷ и **М.М. Хераскова⁴⁸**. Об утопических тенденциях в политике самодержавия на рубеже XVIII - XIX вв. пишет **А.Л. Зорин⁴⁹**. Особого внимания у исследователей удостоилась консервативная утопия Павла I⁵⁰ и **А.А. Аракчеева⁵¹**. Есть попытки по-новому взглянуть на хорошо известные фигуры; такой подход, например, позволил включить Чаадаева и Гоголя в общую тенденцию консервативно-утопического мышления⁵².

Статья **А.И. Абрамова** посвящена русской консервативной утопии второй половины XIX в., в русле которой он интерпретирует **взгляды**, главным образом, **К.П. Победоносцева** и **К.Н. Леонтьева**, однако его понимание утопии как исторически необоснованного проекта представляется неадекватным". Политико-правовая утопия на рубеже XIX - XX веков анализируется в монографии **И.А. Исаева**, который полагает, что формирование консерватизма этого периода "произошло в обстановке, когда основания консервативного мировоззрения [...] были существенно подорваны в ходе буржуазных преобразований второй половины XIX в. и нарастания революционной ситуации. Поэтому возрождались ценности консерватизма [...] в значительной степени под воздействием идеалистических и утопических допущений и стимулировались романтическим обращением консервативного мышления к миру прошлого, к средневековой **России**"⁵⁴. Как консервативную утопию, он трактует учение **К.Н. Леонтьева** и **Л.А. Тихомирова**. В публикации **Д.В. Бугрова** описывается несколько малоизвестных утопических литературных произведений русских консерваторов, например, книга **Н.Н. Шелонского** "В мире будущего". Он также обращается к такому интересному жанру как "литературная война"⁵⁵ в произведениях консерваторов.

Очерк **Д.И. Раскина** в коллективной монографии "Национальная правая прежде и теперь" (1992 г.) посвящен идеологии правого радикализма в России. В этой работе делается очень важный вывод о том, что правая идеология была не только реакцией, но и реформаторством, поскольку ей приходилось не только сохранять существующие устои государства и общества, но и теоретически реагировать на кризисную ситуацию, предлагать свои программы

⁴⁷ Артемьева Т.В. Михаил Щербатов. СПб., 1994; Она же. Новая Атлантида Михаила Щербатова // Вопросы философии. 2000. № 10.

⁴⁸ Артемьева Т.В. Истоки консервативного утопизма в России эпохи Просвещения // Эволюция консерватизма: европейская традиция и русский опыт: Материалы международной научной конференции. Самара. 26-29 апреля 2002 года. Самара. 2002.

⁴⁹ Зорин А.Л. Кормя двуглавого орла. Русская литература и государственная идеология в последней трети XVIII - первой трети XIX в. М., 2001.

⁵⁰ Костыря Л.П. Консервативная утопия Павла I и ее крах // Российский консерватизм: Теория и практика Челябинск. 1999.

⁵¹ Ячменихин К.М. Алексей Андреевич Аракчеев // Российские консерваторы М., 1997.

⁵² Щеглова Л.В. Судьба российского самосознания (П.Я Чаадаев и Н.В Гоголь) Волгоград. 2000

⁵³ Абрамов А.И. Консервативная утопия второй половины XIX века // Русская религиозная мысль в 80-е гг. XIX в. о будущем России. М., 1990. С. 7 - 16.

⁵⁴ Исаев И.А. Политико-правовая утопия в конце XIX - начале XX века М., 1991 С 45.

⁵⁵ Бутров Д.В. Германизм в зеркале русской идеи: исторические перспективы Германии в отражении русского утопического традиционализма рубежа XIX - XX веков // Известия УрГУ №21.

её **преодоления**⁵⁶. С.А. Степанов в монографии "Черная сотня в России. 1905 - 1914 гг." доказывает, что идеология радикальной правой **предвосхищала** фашизм, делая ставку на широкие социальные **слои**⁵⁷. Обращает на себя внимание кандидатская диссертация А.В. Елисеева, защищенная в 1997 г. Она **посвящена** идеологии русских националистов в начале XX в.⁵⁸ Автор делает в целом обоснованный вывод о том, что **мейнстрим** консервативной мысли на рубеже веков проходил в русле национализма. Он резонно полагает, что националисты не были против модернизации как таковой, но они хотели приспособить ее к структурам **ancien régime**⁵⁹. Вместе с тем, вызывает возражения вывод Елисеева о том, что русские националисты смогли дать свой концептуальный ответ на вызов **модернизации**⁶⁰. Нам ближе позиция М.Н. Лукьянова, который пишет, что русские консерваторы в силу присущих их проектам архаических черт так и не смогли сыграть стабилизирующую роль в российской политике накануне первой мировой **войны**⁶¹. В центре внимания автора отношение консервативных идеологов к реформе власти в начале XX в. в России и к национальному вопросу.

Интерес исследователей к главному герою этого исследования — С.Ф. Шарапову — хотя и заметно растет, но все же не соответствует его значению в интеллектуальной истории России, несмотря на то, что на **рубеже** веков это, несомненно, была фигура всероссийского масштаба и по политическому влиянию, и, в особенности, по идейному. В 1995 г. появляется **кандидатская** диссертация М.Ю. Конягина "С.Ф. Шарапов: критика правительственного курса и программа **преобразований**"⁶², которая сосредоточивается на описании экономических взглядов Шарапова и на его критике официальных властей. М.Н. Лукьянов обращает внимание на отношение консерватора к **третьей** монархии и, в особенности, к политике **русификации**⁶³. А.В. Репников пишет о **шараповских** концепциях местного самоуправления и абсолютных **денег**⁶⁴. Другие аспекты идеологии этого славянофильского

⁵⁶ Раскин Д.И. Идеология русского правого радикализма в конце XIX - начале XX вв. // Национальная правая **прежде** и теперь. **Историко-социологические** очерки. СПб. 1992. Ч. 1. С. 5.

⁵⁷ Степанов С.А. Черная сотня в России. 1905-1914 гг. М., 1992. С. 31.

⁵⁸ Елисеев А.В. **Социально-экономические** воззрения русских националистов начала XX в. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1997.

⁵⁹ Там же. С. 81.

⁶⁰ Там же. С. 194.

⁶¹ Лукьянов М.Н. Российский консерватизм и реформа. 1907-1914. Пермь. 2001. С. 158.

⁶² Конягин М.Ю. С.Ф. Шарапов: критика правительственного **курса** и программа преобразований. Конец XIX - начало XX века. Дис. ...канд. ист. наук. М., 1995.

⁶³ Лукьянов М.Н. Консерватор и реформа: С.Ф. Шарапов о столыпинской России // Исследования по **консерватизму**. Вып. 5. Политика и культура в контексте истории. Пермь. 1998.

⁶⁴ Репников А.В. Забытый Сергей Шарапов // "Край родной" 2001. № 28; Репников А.В. Последний **романтик** славянофильства. Земская утопия Сергея Шарапова в "мертвом поле" идеологической **борьбы** // Муниципальная власть. Российский журнал местного самоуправления. 2001. № 4; Репников А.В. **Программа** экономических преобразований С.Ф. Шарапова // Научно-теоретическая конференция "Вторые межрегиональные **научные** чтения по актуальным проблемам социальной истории и социальной работы". Тезисы докладов и **сообщений** 24-25 мая 2001 г. Новочеркасск. 2001.

публициста затрагиваются в публикациях А.Н. **Бачанина**, Д.В. Бугрова, Ю. **Лошица**, С. **Чумового**⁶⁵.

Обращение к зарубежным исследователям позволяет нам углубить концептуальный уровень анализа консерватизма и **утопизма**⁶⁶. Кроме того, западные исследователи не обошли вниманием и российский консерватизм. Одной из самых обстоятельных работ о славянофильской идеологии является книга **Гратье**, ценная scrupulous изложением взглядов неославянофилов конца XIX — начала XX в.⁶⁷ Э. **Таден**, исследовавший русский национализм XIX в., пришел к тому же выводу, что и В.С. Соловьев: славянофильство, став практическим политическим учением в конце XIX в. и утратив заряд гуманистической философии, актуализировало свой националистический потенциал, заложенный в мессианстве данного **учения**⁶⁸. Х.-Д. Лёве, занимаясь проблемами антисемитизма в России, обоснованно полагает, что в основе ненависти к евреям лежит неприятие новых капиталистических **отношений**⁶⁹. У. Лакер специализируется на изучении "недуга политической паранойи" в российском варианте, густо замешанном на мании величия, ксенофобии и теории заговора. Автор пишет, что российская "черная сотня" отличается от аналогичных маргинальных явлений на Западе (вроде "**Аксьон франсез**") пестрым социальным составом и политической **несамостоятельностью**⁷⁰. С некоторыми оговорками эти суждения можно отнести и на счет консервативной утопии в целом. Благодаря А. Мартину в сферу интересов отечественных историков попали консервативные утопии Шишкова, А. **Стурдзы** и других идеологов царствования **Александра I**⁷¹. А работа Ц. **Виттекера** о С.С. Уварове стимулировала изучение педагогической утопии главного официального идеолога в эпоху царствования Николая I⁷². Р. Вортман диагностирует обращение политической элиты России на рубеже веков к архаическим образам

⁶⁵ **Бачанин** А.Н. "Евангелие от Сергия": **Земско-самодержавный** проект устройства России // Россия в новое время. Выбор пути исторического развития. М., 1998; Бугров Д.В. **Социально-политические** идеалы русского консерватизма конца XIX - начала XX века в **творческом** наследии **С.Ф. Шарапова**. (Источниковедческий аспект) // Документ. Архив. Современность: Сборник научных трудов. Вып. 1. Екатеринбург, 2001; **Лошиц** Ю. "**Вот** такого бы диктатора..." // День литературы. 1998. №12; **Лошиц** Ю. "Диктатор" возвращается // Москва. 1998. №12; Чумовой С- После **власти** О книге **С.Ф. Шарапова** "**Диктатор**" // Русский вестник. 1999. №20-21

* The Conservative **Tradition** Edited by R White. L., 1950; The Psychology of Conservatism. Edited by Glenn D. Wilson. L.-N.Y., 1973; **O'Sullivan** N. Conservative Ideology: the Philosophy of **imperfection**.//**O'Sullivan** N. The conservatism. L.,1976; Quinton A. The Politics of **Imperfectionism**. The Religious and Secular Traditions of Conservative Thought in England from Hooker to **Oakeshott**. L., 1978; Scruton R. The Meaning of Conservatism. L., 1980; Weiss J. Conservatism in Europe. 1770-1945. L., 1977; Kirk R. The Conservative Mind. Chicago, 1953; **Viereck** P. Conservatism. N-Y., 1956; Muller J.-Z. Conservatism. An **Antology** of Social and Political Thought from David Hume to the Present. Princeton, 1997; **Oakeshott** M. Rationalism in Politics. L., 1963/

⁶⁷ **Gratieux**. A.C. **Khomiakov** et la **mouvement** Slavophile. Vol. I-II. Paris. 1939.

⁶⁸ **Thaden** E. Conservative nationalism in nineteenth-century Russia. Seattle, 1964. P. 132

⁶⁹ **Löwe** H.-D. **Antisemitismus** und **reaktionäre Utopie** Hamburg. 1978;

⁷⁰ Лакер У. Черная сотня. Истоки русского фашизма. Вашингтон. 1997. С. 54. 65.

⁷¹ Martin A. **Romantics**. reformers, reactionaries. DeKalb. 1997.

⁷² Виттекер Ц.Х. Граф С.С. Уваров и **его** время. СПб.. 1999.

и символам власти. Этот **феномен** исследователь объясняет сменой социально-политической и культурной парадигмы: потерпевшая крах просвещенческая модель абсолютной монархии замещается официальной консервативной утопией, которая легитимизирует власть ссылками на русскую средневековую **традицию**⁷³. Пожалуй, единственное на Западе изложение взглядов С.Ф. Шарапова находится в сочинении Д.-К. Расона "Русские правые и революция 1905 г.", где также содержится подробный очерк о деятельности и идеологии Союза русских людей, ценный для нас своей фактографической базой⁷⁴.

Изучение историографии вопроса позволило увидеть лакуны, требующие заполнения. **Во-первых**, отсутствует анализ феномена консервативной утопии как таковой. **Во-вторых**, отсутствуют специальные исследования по эволюции консервативно-утопических проектов в России в XIX — начале XX вв. **В-третьих**, в современной историографии явно недостаточно внимания уделено фигуре С.Ф. Шарапова, проекты которого наиболее основательно представляют российскую консервативную утопию XIX — начала XX вв.

Практическая значимость работы. Результаты настоящего диссертационного исследования могут стать толчком для дальнейшего и более глубокого изучения консервативной утопии в России. Полученные нами выводы позволят лучше понять и сам феномен консервативной утопии и многие **явления 'современной'** интеллектуальной истории, послужив информационной базой для выработки политических решений. Данная работа может быть использована в учебном процессе в качестве материалов для спецкурса по истории консерватизма и утопизма.

Апробация работы. Диссертация была обсуждена на кафедре новейшей истории России ПермГУ и рекомендована к **защите**. Основные ее положения отражены в публикациях автора и предложены в качестве докладов на научных конференциях.

Объем и структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, шести параграфов, заключения и списка источников и **литературы**. Структура диссертации строится по **тематико-хронологическому** принципу.

II. Основное содержание **диссертации**

⁷³ Wortman R. Scenarios of Power. Myth and Ceremony in Russian Monarchy. Princeton. New Jersey, 2000. P. 368, 369, 387.

⁷⁴ Rawson D.C. Russian Rightists and the Revolution of 1905. Cambridge, 1995. P. 34 - 41.

Во *Введении* дается обоснование актуальности темы, указываются цели, задачи и научная новизна **исследования**, характеризуется его методология, **историко-аналитическая** база и предлагается историографический обзор.

Подчеркивается, что при кажущейся парадоксальности понятия "консервативная **утопия**"⁷⁵, оно всё же обладает внутренней непротиворечивой логикой. По мнению К. Мангейма, в консерватизме как идеологии всегда присутствует в той или иной мере "напряжение" между идеалом и **действительностью**⁷⁶. Когда консерватизм перестает оправдывать, легитимизировать **существующий строй**⁷⁷, а, разочаровавшись в нем, хочет его преобразовать в соответствии с образом прошлого или скрытой внутренней формой * настоящего, тогда консерватизм превращается в **утопию**⁷⁸. Этот процесс происходит в условиях модернизации, когда социальной базой консерватизма оказываются "хронические **дезадаптанты**" из тех социальных групп, статус которых необратимо понижается. В этой среде и возникает резко негативное отношение к настоящему и стремление к созданию иного мира в контурах ушедшего "золотого века". Подобная методологическая установка автора может вызвать вопрос: а существовал ли вообще в России неутопический консерватизм? Дело в том, что отдельные утопические черты заметны в идеях почти всех российских консерваторов, что позволяет, на наш взгляд, говорить о такой характерной черте отечественного консерватизма рубежа XIX - XX вв., как утопизм. Эта особенность проявляется в "неортодоксальном" подходе к проблеме статус-кво: российский консерватизм не столько его поддерживал, сколько разрушал в своем стремлении к реставрации прошлого.

Первая глава посвящена проблемам генезиса и эволюции российской консервативной утопии в условиях запоздалой модернизации.

В *первом параграфе* рассматриваются взгляды М.М. Щербатова, А.С. Стурдзы, Н.Н. Карамзина, С.С. Уварова, А.С. Хомякова, К.С. и И.С. Аксаковых, И.В. Киреевского и некоторых других консервативных деятелей. Убеждения М.М. Щербатова трактуются как традиционалистская утопия, отличающаяся от консервативной тем, что предпочтение традиции не **рефлексируется**, нет и осознания своей социально-классовой позиции. Тем не менее, обращение Щербатова к форме **литературной** утопии позволяет говорить о нем как о

⁷⁵ В качестве синонима рассматривается понятие "реакционная утопия", которое, на наш взгляд, менее удачно, так как подчеркивает негативную **оценку** данного феномена, что не совместимо с **принципом** научной **объективности**.

* Мангейм К. *Диагноз нашего времени*. М., 1994. С. 196.

⁷⁷ В понимании К. Мангейма идеологию можно интерпретировать как установку на "стабилизацию **существующего положения**". (Мангейм К. *УК*. соч. С. 78.)

⁷⁸ По Мангейму, утопия является такой идеологической **позицией**, которая "ведет к уничтожению **существующей структуры бытия**" (Мангейм К. *УК*. соч. С. 165.)

родоначальнике утопической тенденции в российском консерватизме (традиционализме).

С **содержательной** точки зрения наибольшее значение для складывания российской консервативной утопии имело учение ранних славянофилов, разработавших такие сюжеты, как народная монархия, опирающаяся на Земские соборы; нравственная экономика, основанная на соблюдении христианских заповедей; национальная исключительность России, обусловленная ее православной мессианской ролью. Славянофилы заимствовали шеллингянское антропологическое учение о "грехе индивидуальности", согласно которому человек преодолевает **собственное** несовершенство и вернется в райские куши, если отречется от своей личности ради соборного единения во Христе. Такое понимание проблемы придает социальное измерение антропологической проблеме. Совершенство человека ставится в зависимость от "правильной" организации **общества**, которую они видят в устройстве Московской Руси. Подобный подход, в целом не свойственный западной консервативной традиции, лег в основу российской консервативной утопии. Парадокс заключается в том, что славянофильская мечта о **свободном**, самоуправляющемся "мире" подразумевает крайне репрессивные меры по отношению к индивидуальности.

Во второй половине XIX в. российская консервативная утопия развивается в двух вариантах. Первый, представленный почвенничеством и неославянофильством, наследует ненависть славянофилов к существующим со времен Петра порядкам. Имперская Россия порицается за бюрократизм, формализм, разрыв с народными основами и отказ от самобытности. Второй, который условно можно назвать "**охранительным**", не отрицает существующего строя, но упорно противостоит появлению новых традиций гражданского общества, либеральных свобод, капиталистических отношений. В рассматриваемую эпоху, когда изменение становится неперенным элементом **статус-кво**, подобные попытки "подморозить Россию" также являются утопическими.

В этом параграфе речь идет и об официальных утопиях, очень распространенных в России, где государство являлось главным фактором **модернизационных** изменений, а потому политическая элита была **заинтересована** в обосновании альтернативного образа мира, в оправдании изменений. В XVIII и первой половине XIX вв. **официальная** утопия базировалась на идеологии Просвещения. Отсюда в практической деятельности Павла I, Аракчеева, М.Л. Магницкого и С.С. Уварова наблюдается склонность к тотальной регламентации и интерес к образовательным проектам. После Великой французской революции эта установка превратилась из абстрактного философского императива в актуальное стремление избежать революции, а потому официальные утопии получили явную консервативную направленность. Проблема, однако, заключается в том, что эти утопии, призванные воспитать лояльных подданных, объективно подрывали авторитет самого "воспитателя", заставляя усомниться в его совершенстве. Поэтому, когда во второй половине

XIX в. потребовалось оправдывать само существование монархии, политическая элита обратилась к иной утопии. Начиная с Александра III, самодержавие продуцирует утопию "народной монархии", **обращаясь** к традиционным ценностям и "сценариям" власти с целью укрепления своей социальной базы за счет огромных, мало затронутых модернизацией анклавов традиционного общества (крестьянство, дворянство, духовенство, старообрядчество). Итак, к концу XIX в. два направления консервативной утопии: оппозиционное и официальное, — развиваются параллельно, во взаимодействии порождая небывалый всплеск консервативного утопизма в России.

Во *втором параграфе* анализируются утопические тенденции в политических воззрениях таких российских консерваторов рубежа XIX - XX вв., как А.А. **Киреев**, А.Г. Щербатов, Н.Н. Шипов, М.О. Меншиков, Л.А. Тихомиров и др. Беспощадная критика этими общественными деятелями существующего бюрократического строя сочеталась с еще более негативным отношением к изменениям в духе западной либеральной демократии. Так, образование Государственной Думы они связывали с "инспирацией" враждебного России мирового финансового капитала. Замечено, что в подобном антидемократизме консерваторов-утопистов заложено противоречие: ведь они с готовностью подтверждали существование массовой социальной базы их собственного **учения**⁷⁹. Более того, эта позиция на деле показывает насколько "**народной**", в их представлении, должна быть "народная монархия" — идейное ядро их политической программы, в соответствии с которой предлагалось уничтожить "**засилие**" бюрократии и реанимировать политические учреждения русского средневековья: Земские соборы, право челобитья, "непосредственное" общение царя с народом и т.д.

Одна из немногих попыток адаптации традиционных ценностей к условиям XX века — учение Л.А. Тихомирова о **идеократии**. **Идеократия** — власть нравственного начала, которому должен подчиняться даже самодержец. Причем критерием нравственности выступает индивидуальная психология, чутко диагностирующая любое отступление властей от законов нравственности. Эта концепция представляла собой вариацию на тему либерального учения о **естественном** праве, но в России она опять же выступала радикальной утопией, которая раскачивала правительственную "лодку", **десакрализуя**, развенчивая господство бюрократии.

В вопросе о печати хорошо видна противоречивость позиции консерваторов-утопистов, рожденная из столкновения прошлого и настоящего, традиции и **новации**. Провозглашая вслед за славянофилами свободу слова, они вкладывали в это понятие совсем иной смысл, нежели либералы. Главная функция печати — быть выражением свободы мысли, совести — решительно

⁷⁹ Степанов С.А. Черная **сотня** С 17.

отвергалась консерваторами. Напротив, в их утопии устанавливался жесткий контроль за "нравственностью" и "добросовестностью" прессы, долженствующей выполнять государственную задачу информирования властей о нуждах народа.

Утопический консерватизм, который, казалось, был готов ассимилировать принципы современного индустриального общества (народное представительство, муниципальное управление и т.д.), на практике не стал фактором реформизма, так как, за редким исключением, не смог выйти из круга традиционных представлений и модернизировать свое содержание. Не смог он сыграть и стабилизирующую роль в российском обществе, так как его предложения, предполагающие, по сути, разрушение всех политических традиций последних двухсот лет, являлись не менее революционными, чем предложение социал-демократов.

На рубеже XIX - XX вв. черты консервативной утопии обнаруживаются и в практической политике самодержавия. В частности, появляются утопические мотивы единения царя с народом, подчеркивается религиозный характер монархии и преемственность с Московской Русью. В то же время ряд консервативных идеологов начинает заниматься публичной политикой. Создаются такие организации консерваторов-утопистов, как Русское собрание, Союз русских людей, "Кружок москвичей". Таким образом, консервативная утопия становится весьма значительной политической силой, однако, из-за указанных особенностей фактически она "работает" на разрушение существующего строя. Своим радикальным разрывом не только с бюрократическими традициями петербургской империи, но и с современными социально-экономическими тенденциями, консерваторы - утописты подорвали и свои собственные позиции. Как писал К. Поппер, те, кто пытаются стереть все с холста истории и начать писать картину мира заново, тем самым уничтожают и свою утопию, ведь она является составной частью старой картины мира⁸⁰.

Третий параграф посвящен утопическим мотивам в консервативных трактовках социально-экономических и национальных проблем на рубеже XIX - XX вв. В России консерваторы разрывались в контроверзе между антикапиталистическими и антисоциалистическими убеждениями. С одной стороны, они отказались от альянса с социалистами против капитализма, что потребовало бы выступления против как капиталистической, так и феодальной земельной собственности, а это было для консерваторов, относящихся, по преимуществу, к поместному дворянству, неприемлемо. С другой стороны, своей ненавистью к капитализму консерваторы-утописты поставили себя в такое положение, при котором стал невозможен и их союз с буржуазией против революции и рабочего движения.

* Поппер К. Открытое общество и его враги. М., 1992. Т. 1. С. 210.

Пытаясь избежать этих противоречий, консервативная идеология частично модернизируется, частично мифологизирует реальные проблемы. Примером частичной модернизации традиционных ценностей выступает концепция корпоративного строя, предложенная Л.А. Тихомировым, Д.А. Хомяковым, А.Г. Щербатовым и др. Сущность ее заключается в попытке ассимилировать новые социальные группы (например, рабочих) старой сословной организацией. Принцип корпоративизма предполагает концепцию классового мира и учение о **том**, что социальные проблемы следует решать в плоскости нравственного совершенствования человека (надо, к примеру, не устранять бедность, а помогать бедным, как проповедовал митрополит **Антоний**, Д.А. Хомяков и др.) Но и в идее классового мира консерваторы-утописты видели оружие против буржуазии и буржуазной современности. Поскольку мораль социально-исторически обусловлена, постольку их идеалом было не абстрактное нравственное совершенство, а конкретное общество, где критерием социальной иерархии выступают средневековые ценности: знатность, образованность, военная и гражданская служба, лояльность государству.

Другой пример модернизации консервативной утопии — решение консерваторами национального вопроса. Наравне с черносотенным национализмом на рубеже XIX - XX вв. появляется особая разновидность консерваторов-этнократов, придерживающихся националистических воззрений, но крайне негативно оценивающих **правительственный курс** на русификацию "окраин". Причины антинационализма этих консерваторов самые разнообразные. Так, аргументация М.О. Меньшикова прагматическая. По его мнению, Россия слишком **слаба**, чтобы обрусить и **оправославить** инородцев, поэтому сейчас ей надо заботиться лишь о том, чтобы сохранить себя. Журналист использует и расистскую аргументацию против интеграции "окраин", **утверждая**, что иностранные "примеси" портят качество русской "расы". **Из** того же принципа "национального эгоизма" исходит кн. В.В. Мещерский, считавший, что ущемление прав национальных **меньшинств** приведет к росту политической оппозиции.

Таким образом, ряд русских консервативных утопистов представил альтернативу консервативному шовинизму. Но не следует преувеличивать "цивилизованность" российского консерватизма, так и не выбравшегося из круга антисемитской утопии. Мифологема заговора обосновывает любые репрессии против "**чужих**", но при этом навязывает свою логику и тем, кто ее использует. Поэтому консерваторы-антисемиты, сосредоточившись на разоблачении евреев, прошли мимо реальных социальных и экономических проблем и в итоге оказались на обочине истории.

В этом параграфе также предлагается краткий очерк западноевропейской консервативной утопии рубежа XIX - XX вв. Сравнение с такими представителями этой тенденции, как председателем **Пангерманского союза** Г. Классом, лидером "**Аксъон франсез**" Ш. Моррасом показывает значительное сходство тем и сюжетов консервативных утопий. Однако, если в европейской

традиции даже радикальный консервативный утопизм представляет собой иную модель того же **цивилизационного** проекта, то в России консерватизм в своих утопических формах был идеологией, по преимуществу, антизападной, обосновывающей принципиально иную картину мира. Этим объясняется более резкая критика российскими консерваторами - утопистами вестернизированной действительности и **большой** "градус" утопичности их предложений. Это обстоятельство сделало российский консерватизм в целом довольно уязвимым с точки зрения противодействия модернизации. Пока была **возможность**, он просто противостоял изменениям, но когда изменения приняли лавинообразный характер, консерватизм не смог справиться с ситуацией.

Во *второй главе* рассматриваются социально-политические и экономические взгляды С.Ф. Шарапова (1855 - 1911). Бывший либерал и второй по счету русский доброволец на Балканах во время боснийского восстания **1875 - 1876** гг., он, разочаровавшись в западных ценностях, примкнул к славянофильскому кружку И.С. Аксакова. После смерти славянофила в 1886 г. он сам основал газету "Русское дело" и заработал себе репутацию беспристрастного критика существующего строя. Шарапов был и успешным хозяином-предпринимателем. Он основал мастерскую по изготовлению плугов собственной конструкции, за которые получил несколько наград на различных выставках. Однако, экономическая реформа Витте в 90-е гг. почти полностью его разорила, а **разгоревшийся** финансовый **скандал**⁸¹ нанес непоправимый урон престижу журналиста. Психологическая неудовлетворенность настоящим вызвала потребность создавать картины идеального мира, и Шарапов в конце 90-х - **1900-х** гг. пишет политические и экономические трактаты и литературные произведения, в которых обосновывает свою утопию. Среди них особого внимания заслуживает незаконченный утопический роман "Через полвека"(1902). Цель этого произведения исчерпывающе сформулировал сам автор. В предисловии он пишет: "Я хотел бы в фантастической и, следовательно, довольно безответственной форме дать читателю практический свод славянофильских мечтаний и идеалов, изобразить нашу политическую и общественную программу как бы **осуществленной**"⁸². "Через полвека" представляет собой уже вполне жанрово оформленную консервативную утопию, выразившую целостный социокультурный идеал в конкретных художественных образах, связанных сюжетом. В 1907 - 1908 Шарапов публикует серию "политических **фантазий**", в которых он вывел образ идеального правителя, решительность действий которого против бунтующих рабочих - сочетается с творческим подходом к реформированию России на славянофильских началах. Российскому обществу его взгляды показались

⁸¹ Публициста, кичившегося своей неподкупностью, обвинили в том, что он брал деньги у правительства.

⁸² Шарапов С.Ф. Через полвека. М., 1902. С. 3.

слишком экстравагантными, правые порицали его за "якобинство", а левые за "реакционность". Всеми забытый, публицист умер в 1911 г. в своем имении под Смоленском.

В первом параграфе исследуется политическая утопия С.Ф. Шарапова. Ожесточенная критика старых порядков и новых конституционных "поползновений" сочетается у него с антропологическим оптимизмом. "Не люди виноваты и плохи, а вот этот дух бюрократизма [...]", — писал славянофил⁸³. Такая позиция оставляет большое пространство для работы утопической фантазии по усовершенствованию мира. В частности, смоленский помещик создает проект областного деления России. Шарапов пытается соединить славянофильский идеал "народной монархии" и практическую политику рубежа XX в. Он пишет, что нравственная сила самодержца, опирающегося на сыновнюю любовь своего народа, — это слишком тонкая материя для нашего материалистического времени. Чтобы возродить традиции Московской Руси, нужно существенно реформировать государственное устройство: упразднить бюрократию и передать все исполнительные полномочия местному самоуправлению. За самодержцем должна остаться только контрольная функция. Но как обеспечить эффективный контроль за десятками тысяч уездных земств? — задается вопросом Шарапов. Ссылаясь на конституционный строй США, он считает, что эту проблему решит деление России на полтора десятка самостоятельных областей, которые станут посредниками между престолом и самоуправляющимся народом. Фактически его предложение предполагает федерализацию империи. Это показывает, что утопия Шарапова частично включила в свой арсенал некоторые достаточно гибкие методы консервативного реформирования.

Политические проекты Шарапова обрисовывают и контуры законодательной власти "обновленной России". На верху государственной пирамиды — Земский собор, который, после учреждения Государственной Думы, славянофил стал настойчиво предлагать в качестве альтернативы парламентаризму. Результатом подобной "подгонки" желаемого под действительное стало создание конструкции сословного законосовещательного учреждения, больше похожего на французские Генеральные штаты, чем на московские Земские соборы.

"Правильные" отношения государства и общества в учении Шарапова обеспечиваются принципом гласности. Вместе с тем, свобода печати должна сочетаться со скрупулезным подходом к предоставлению права издавать периодику и последующего контроля за благонравностью прессы. Этот контроль он возлагает на "художественное общество" и мнение "сведущих людей". Шарапов мечтал о тех временах, когда газету будут закрывать за вторжение в личную жизнь и "общественный соблазн", причиняемый

⁸³ Шарапов С.Ф. Сочинения. Вып. 16 М., 1902 С. 82

бульварными романами с "эффектными убийствами". Таким образом, пафос освобождения из-под гнета бюрократической опеки в утопии Шарапова сочетается с программой тотального контроля за надлежащим поведением личности со стороны самого **общества** в соответствии с жесткой моральной нормой.

Шараповская система "народной монархии" обнаруживает фатальные противоречия. Ставя своей главной задачей защиту самодержавия, концепция самоуправления, доведенного до самого "верха", подрывает основы **самодержавия**⁸⁴, оставляя фигуру царя как элемент государственного декора и резерв политической власти в чрезвычайных ситуациях по аналогии с положением британского **монарха**, который царствует, но не правит.

Утопические проекты Шарапова предполагают и утопические средства их реализации. До революции 1905-1907 гг. славянофил еще надеялся на реформаторские способности царя и посылал ему и его окружению многочисленные письма с программой преобразований. Потом Шарапов стал возлагать свои надежды на диктатора, в роли которого он видел С.Ю. Витте и П.А. Столыпина, но и в них он разочаровался. Тогда консерватор попытался заняться политикой самостоятельно. Славянофил участвовал в Союзе Русских людей, создал **Аксаковское** литературно-политическое общество, неудачно баллотировался в Государственную Думу. Его понимание политики показывает то же химерическое сочетание архаики и современности, что и его проекты: он надеется воодушевить народ своими идеями, не "опускаясь" до уровня публичного политика, не занимаясь политической агитацией. И подобные взгляды, разделявшиеся многими консерваторами-утопистами, во многом помешали их утопии стать действительностью, "овладеть массами".

Во **втором параграфе** анализируется социально-экономическая программа Шарапова, который буквально специализировался на критике существующей экономической политики правительства и складывающихся буржуазных отношений. Если в политической сфере его вдохновляли несколько абстрактные, но "величественные" образы допетровской Руси, то идеальную социально-экономическую модель он видел в крепостнической России. "До 1861 г. бесчисленное множество помещичьих усадеб, — и каждая представляет полную чашу, — зажиточный народ с большим количеством скота, с запасами [...] хлеба. Огромный запас лесов и девственных **земель**"⁸⁵. Указывая на подобные идиллические картины, С.Ф. Шарапов предлагает восстановить нарушенное реформами, бюрократизмом и капитализмом экономическое, социальное и духовное единство барина и крестьян. В его теории, которую он не совсем успешно пытался реализовать и на практике в своем имении,

⁸⁴ Это обстоятельство заметил ещё его оппонент В.П. Мещерский. (См.: Ведерников В В, Проблема представительства... С. 183.)

⁸⁵ Шарапов С.Ф. Сочинения. Кн. 3. СПб., 1899. С. 31-32.

помещик выступает в качестве организатора крестьянского хозяйства, работодателя и "мозгового центра" округа при гармоничном сочетании крупного дворянского и общинного землевладений.

Принципы классового мира и нравственности как основы социально-экономической системы воплотились в учении Шарапова об "абсолютных деньгах". Высоко оценивая **канкриновскую** денежную **систему**, славянофил мысленно доводит ее до логического предела, полностью лишая бумажные деньги какого-либо серебряного или золотого обеспечения. Что же обеспечивает их покупательную ценность? "Покупная сила бумажного рубля основывается на нравственном начале всенародного доверия к единой, сильной и свободной верховной власти, в руках которой находится управление денежным **обращением**"⁸⁶. В идеале, надеется Шарапов, деньги вообще выйдут из употребления, и все будут использовать безналичный расчет и систему кредитов, гарантированных взаимным поручительством. Такая практика требует не только доверия к верховной власти, но и доверия контрагентов **друг** к другу. Причем нравственность и экономика в этой утопии связываются настолько тесно, что моральные качества человека фактически получают стоимостную оценку. Видно, что его проект сочетает в себе архаические социально-экономические положения и современные экономические учения (**катедер-социализм**, государственный социализм, французский солидаризм, социально-экономическое учение католицизма и др.)

Внимания заслуживает и педагогическая утопия Шарапова. Опираясь на принципы практического обучения, отказа от системы государственного **просвещения**, славянофил полагает, что в идеале надо уничтожить все образовательные учреждения. Начальное образование оставить только домашнее. Среднее образование ученики должны получать на приходских курсах, куда приходом могут приглашаться в частном порядке преподаватели. Высшее образование тоже представляет собой систему курсов, читаемых коллективом преподавателей за плату. Поскольку основное занятие русского населения — сельское хозяйство, постольку и образование должно сосредоточиться на проблемах агрономии, химии минеральных удобрений и т.п. Фактором повышения аграрной культуры он считает также положительный пример сельского священника и учителя, которых он в своей утопии обязывает заниматься сельским хозяйством. Благотворным, по его мнению, было бы обучение крестьянскому ремеслу русской армии, в результате чего солдаты, **вернувшись** в свою деревню, принесли бы с собой ценный багаж практических знаний и умений. Утопист хотел воплотить свои педагогические проекты в жизнь, основав в своем поместье сельскохозяйственную школу для крестьян.

Итак, социально-экономическая утопия Шарапова принципиально отвергала существующие порядки во имя традиций и ценностей прошлого. Но в начале XX в. традиция и новация переплелись так тесно, что развенчивая

⁸⁶ Там же С. 29.

новшества, идеи Шарапова автоматически подрывали и традиционные институты.

В *третьем параграфе* рассматриваются национальные и внешнеполитические вопросы в интерпретации С.Ф. Шарапова, у которого ксенофобские мотивы переплетаются со вполне "цивилизованными" подходами к решению национальных проблем. Мифологизация насущных социально-экономических проблем проявляется в поиске внутренних и внешних врагов, каковыми для публициста являются евреи, немцы, "желтые". Вместе с тем, он яростно порицает русификаторское рвение чиновников в **Польше** и Финляндии: "Идиоты! — восклицал он по адресу имперских властей, — Финских полицейских переодели в русскую форму. О подлое уравнивание по шаблону. [...] Вот их идеал, а по существу да хоть пропади всё. Весь петербургский режим в **этом**"⁸⁷. Позиция славянофильского публициста **этнократическая**, а не имперская; его национализм русский, а не антипольский, антифинский и т.д. Мечтая освободиться от власти бюрократического петербургского режима, он готов протянуть руку дружбы другим националистическим движениям, которые заинтересованы в завершении исторической миссии России — создании славянской державы.

Восстановив против себя народы варварской русификацией, писал Шарапов, Россия лишается возможности создать славянский союз, который только и сможет ей помочь в грядущей войне с Германией и Китаем. Публицист панически боится "желтой угрозы": если огромный Китай перестроится на началах самодержавия и самоуправления раньше России и вооружится западной техникой и знаниями, то мы превратимся в **"Желтороссию"**. Консерватор даже предлагает сдать в аренду американцам сибирские железные **дороги**, чтобы связать их экономический интерес с нашим государственным. Дружба с США и славянскими народами приведет Россию к мировому господству. Шарапов обрисовывает географические контуры будущей России, в которую на правах автономий входят: Царство Польское с Восточной Пруссией, Червоная Русь, **Чехия**, Моравия, Словакия, Венгрия, **Сербо-Хорватия**, Румыния, Болгария, Греция, Константинополь с проливами. Кроме самодержавного монарха, другими консолидирующими факторами для этой державы должен послужить церковнославянский язык как язык межнационального общения и православная вера (католическим странам предлагается порвать с Римом и обратиться к **старокатоличеству**).

Если внешний враг будет нейтрализован в ходе войны, то к врагу внутреннему - еврейству - у Шарапова другой подход. Оздоровив национальную экономику и укрепив **общество** системой самоуправления, русские смогут выйти из "кабалы у Израиля", устроив общий бойкот евреев и предоставив им ограниченные права иностранцев.

⁸⁷ ГАСО. Ф. 121. Оп. 1. Д. 7. Л. 95.

Не стоит поэтому переоценивать "либерализм" утопии Шарапова в национальном вопросе. Относительно толерантное отношение к "инородцам" продиктовано прагматической задачей территориальной экспансии. Своеобразное воскрешение геополитического средневековья в пределах Восточной Римской империи сочетается с принципами буржуазного национализма, поскольку проекты Шарапова фактически означают отказ от имперского принципа и переход к славянскому этнократическому **государству**, выбивающему почву из-под ног российских императоров, которые с начала XVIII в. позиционировали себя как "завоеватели" - "воспитатели" народа, для которых "несть ни эллина, ни иудея".

Заключение представляет собой свод итогов диссертационного исследования. В нем также содержится краткий очерк развития утопических тенденций в России после 1917 г. В 20-40-е гг. создаются литературные утопии П.Н. Краснова и Н.А. Павлова, появляются политические трактаты И.А. Ильина, в которых очевидно влияние дореволюционного утопического консерватизма, но при этом повышается уровень репрессивности, регламентированности в изложении их позитивного **идеала**, что свидетельствует о вырождении славянофильской **традиции**, но вместе с тем, явно показывает некоторые подспудные интенции российской консервативной утопии. Геополитические аспекты дореволюционного консерватизма в центре внимания **евразийцев**, а **сюжеты**, связанные с "народной монархией", продолжает разрабатывать И.А. Солоневич. Таким образом, импульс российского консервативного утопизма позднимперской эпохи продолжает действовать в течение всего XX в. и с успехом находит своих приверженцев до сих пор.

Проведенное исследование показало, что консервативная утопия в России на рубеже XIX - XX вв. была хорошо развита, интеллектуально и политически влиятельна и широко распространена. Пройдя длительную эволюцию, она породила много оригинальных и потенциально плодотворных проектов, среди которых наибольшего внимания заслуживают идеи С.Ф. Шарапова. Вместе с тем, она не смогла модернизировать свое содержание, ориентируясь, в основном, на традиционные ценности и отвергая все новации. Поэтому с политической точки зрения она выступила фактором дестабилизации строя, но с гносеологической точки зрения, этот интеллектуальный опыт в российской истории имеет большую ценность. Консервативная утопия, подвергая сомнению господствующую идеологию, освобождает личность от различных "идолов" сознания, демифологизирует реальность.

III. Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях:

1. Проблема толерантности в русском националистическом дискурсе на рубеже XIX - XX вв. // Культурный мир меняющейся России. Материалы 15-й Всероссийской конференции студентов, **аспирантов**, докторантов "Майские чтения". Пермь, 2003. С. 78 - 81 (0.2 п.л.)
2. Социальная экономия консервативной утопии // Родовое сознание и духовное предпринимательство. Материалы международной молодежной научно-практической конференции. Пермь, 2002. С. 245 - 250 (0.3 п.л.)
3. Консервативная утопия С.Ф. Шарапова // Вестник Уральского гуманитарного института. Пермь, **2001**. С. 89 - 99 (0.5 п.л.)
4. Феномен консервативной утопии // Переходные периоды в истории культуры. Пермь, 2001. С. 118 - **130** (0.5 п.л.)
5. **Мифогенный** соблазн легитимации // **Периферийность** в культуре. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 27 - 28 июня 2001 г. Пермь, **2001**. С. 31 - 36 (0.2 п.л.)
6. Бунт против **дисциплинарности**. Консерваторы versus интеллигенция // Российская интеллигенция: критика исторического опыта. Тезисы докладов Всероссийской конференции с международным участием, **посвященной 80-летию** сборника "Смена вех", 1-2 июня 2001 г. Екатеринбург, 2001. С. 263 - 265. (0.2 п.л.)
7. Эстетика массовой политики // Массовая культура как феномен XX века. Тезисы докладов научной конференции 14 мая 2001 года. Пермь, **2001**. - 3 с. С. 14 - 17 (0.2 п.л.)
8. "Хороводное" воспитание в западной политической культуре // Человек. Целостность. Духовность. Материалы заочной межвузовской научно-практической конференции. Оренбург, 2001 . С. **114 - 118**. (0.2 п.л.)
9. Политическая утопия русских консерваторов на рубеже XIX - XX вв. // Проблемы общественного развития в зеркале социологии и экономики. **Тезисы** докладов IV Научной конференции, посвященной памяти Л.Н. Когана, 16 марта 2001 г. Екатеринбург, 2001. С. 139 - 142 (0.2 п.л.)
10. **Правовые** взгляды Льва Тихомирова // Право. Сборник студенческих работ. М., 1999. С. **78-115** (1.5 п.л.)

Подписано в печать . Формат 60х84 1/16. Бумага **офс**. Печать офсетная.
Усл. **печ.** л. 1.4. Тираж 100 **экз** Заказ **46**

Отпечатано на ризографе 000 Учебный центр "Информатика".
614990, г. Пермь, ул. **букирева**, 15